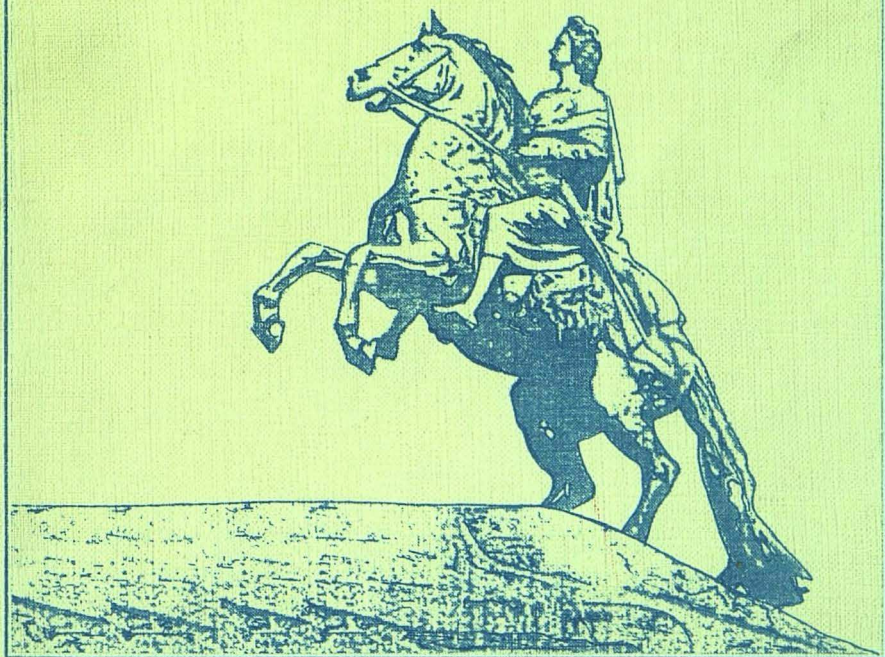

Н. И. Гайнуллина

**Языковая
личность
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

Опыт диахронического описания

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

Н.И.Гайнуллина

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Опыт диахронического описания

Алматы
Қазақ университеті
2002

*Рекомендовано к печати Ученым советом
филологического факультета КазНУ им. аль-Фараби*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *В. И. Жумагулова*;
кандидат филологических наук, доцент *К. К. Ахмедьяров*

Гайнуллина Н. И.

Г 12 Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). - Алматы: Казак университеті, 2002. - 141 с.
ISBN 9965-12-105-2

В монографии впервые ставится и в определенной степени решается актуальная для современной науки проблема языковой личности в аспекте истории русского литературного языка. Материалом для ее решения служит обширный эпистолярный Петра Великого, опубликованный в академических источниках XIX-XX вв.

Проблема языковой личности рассматривается комплексно, с учетом как языковых, так и экстралингвистических (культурно-исторических, социальных, психологических) факторов. Описание фактического материала проводится в русле новой для конца XX - начала XXI века неофункциональной парадигмы и с учетом разрабатываемой современной наукой теории языковой личности. Предложен подробный анализ когнитивного (тезаурусного) и прагматического уровней языковой личности Петра Великого, определены лингвистические формы репрезентации каждого из указанных уровней, установлен вклад конкретной языковой личности Петра Великого в исторические судьбы русского литературного языка XVIII в. и на дальнейшую перспективу его развития.

Монография адресована филологам широкого профиля: историкам русского языка, специалистам в области истории и культурологии, преподавателям гуманитарных специальностей вузов, аспирантам, магистрантам, студентам.

Г $\frac{4602000000-389}{460(05)-02}$ - 943-02

ББК 81.2Р

ВВЕДЕНИЕ

*300-летию основания
г. Санкт-Петербурга
посвящается*

Современное русское языкознание все активнее делает объектом своего изучения проблемы диахронии. На фоне по преимуществу «синхронного» XX столетия такой поворот интересов обусловлен тем, что новые подходы к языковым фактам, выработанные в процессе смены научных парадигм знания и получившие признание у мировой, в том числе и русской, научной общественности, занимают свое достойное место в изучении истории русского языка. И хотя подобный процесс рассмотрения и интерпретации диахронических явлений с позиций новых научных парадигм пока что представляется робким, обнадеживает сам факт поворота к ним со стороны историков русского языка.

Накопленный материал диахронического характера позволяет отойти от поуровневого описания к более сложной его интерпретации с позиций неофункционализма в пределах так называемого функционально-коммуникативного направления, учитывающего не только чисто лингвистическую природу языкового знака в диахронии, но и *функции* в совокупности с дополнительными, фоновыми сведениями, которые, как известно, заложены в нем изначально. Не случайно современные теоретики языка считают, что «основной пафос функционализма - объяснение языковой формы ее функциями» (Кибрик, Плунгян 1997, 276). Естественным поэтому становится все более широкое обращение к *т е к с т у* как основной единице изучения, что, с учетом новых подходов к фактам языка на отдельных отдаленных синхронных срезах его истории, поможет в действии осознать историю русского литературного языка как *стилистическую* по своей сути дисциплину, дисциплину, изучающую *употребление* языковых единиц. Об этом в начале 40-х годов XX в. заявили великие историки русского языка В.В.Виноградов и Г.О.Винокур. Образцы подобного исследования истории русского литературного языка, безусловно, мы

имеем в известных трудах как самих В.В.Винородова и Г.О.Винокура, так и их единомышленников и последователей – А.И.Горшкова, А.И.Ефимова, В.В.Колесова, Е.Г.Ковалевской, Н.А.Мещерского и др., сделавших уровень текста главным объектом изучения в диахронии.

Однако не будет натяжкой сказать и о том, что за текстом не всегда виделся человек, его писавший. Поэтому еще одно достоинство и заслуга второй половины XX столетия заключается в том, что наука повернулась к создателю текста, человеку, определив еще одно весьма важное направление в изучении фактов языка – антропоцентрическое, поставившее во главу угла изучение человека в языке, личности и ее реализации в языке.

С таких позиций традиционная историческая русистика тексты рассматривала не всегда, а если и объясняла личность пишущего, то такая интерпретация исторических фактов языка была скорее подспорьем и выступала вторым планом при исследовании текстов прошлого. Поэтому обращение к письменной продукции прошлых эпох с учетом новых реалий в науке, новых методологических и методических подходов при интерпретации языковых единиц с учетом культурно-исторического фона и условий их использования определяет актуальность нашей работы в новых условиях развития исторической науки о русском языке.

Не менее актуальным представляется повышенный интерес русистики последних десятилетий к речевой деятельности отдельного носителя языка и ее роли в истории русского языка, влиянию когнитивных моментов на речевой акт, что вылилось в наши дни в самостоятельное научное направление изучения языка – неофункционализм, на новом витке истории функционального направления поставивший во главу угла исследование речевой деятельности носителя языка (Е.С.Кубрякова, Г.В.Колшанский, А.А.Уфимцева, Н.Е. Сулименко, Е.И.Диброва, Т.М.Николаева, В.И.Постовалова, Н.И.Жинкин, Л.К.Жаналина и мн. др.).

В связи с этим все более прочные позиции завоевывает лингвистическая прагматика, сделавшая основным объектом лингвистических исследований фигуру говорящего, а основной проблемой – проблему субъекта в его языковом выражении. Для истории русского литературного языка и диахронии в целом такой фигурой, как известно, является *пишущий (писавший)*, речевая деятельность которого репрезентирована письменными текстами.

Среди многочисленных жанров письменности прошлого таким наиболее приближенным к пишущему, наиболее антропоцентричным

представляется жанр эпистолярия, включающего прежде всего частные письма, дневниковые записи, мемуары, личные распоряжения, заметки и т.п. Разрабатываемая на протяжении XX столетия проблема «образа автора», обоснованная в трудах В.В.Виноградова, не смогла решить всех сторон более широкой проблемы языкового поведения человека, определенного В. фон Гумбольдтом как деятельность. Тем не менее она, как известно, далеко продвинула изучение языка художественной литературы. В наши дни данные вопросы получили особую актуальность и новый ракурс в изучении «образа автора» и героя в художественной литературе в связи с активной разработкой другой проблемы языкознания – проблемы *языковой личности* как личности, «выраженной в языке (текстах) и через язык» или «реконструированной в основных своих чертах на базе языковых средств» (Караулов 1987, 38). В такой постановке особый научный интерес представляют тексты прошлого любого жанра, а эпистолярного – в особенности, ибо в них языковая личность и личность homo sapiens предельно приближены друг к другу и взаимообусловлены одна другой. Для истории русского литературного языка в таком плане данная проблема актуальна уже потому, что она только ставится и для нее могут быть предложены предварительные решения.

Предпринятое нами в указанном направлении исследование (Гайнуллина 1995; Гайнуллина 1996) может представлять научный интерес для историков русского литературного языка в силу того, что через конкретную языковую личность можно по-новому понять основные процессы, происходившие, например, в такой важный переходный период истории русского языка, каким была Петровская эпоха, понять ее функционально-стилистические особенности в начальный период становления русского языка как национального. Последние, как известно, были объектом рассмотрения в основном исследователей-литературоведов в связи с общими процессами и проблемами развития художественной литературы данного периода (см.: Перетц 1905, 1906; Пыпин 1911; Гуковский 1940; Макогоненко 1971; Федоров 1982 и др. См. также: XVIII век. Сб. 1-8; 10-16).

Предметом повышенного интереса и внимания функционально-стилистический аспект русского языка первой четверти XVIII в. становится в середине 70-х - начале 80-х годов XX в., о чем свидетельствует факт публикации ряда сборников, посвященных данному периоду истории русского литературного языка и традиционно связывающих функционально-стилистические процессы в русском языке с социальными изменениями в обществе (см.: XVIII век. Сб. 9. Проблемы лите-

ратурного развития в России первой трети XVIII века. – Л.: Наука, 1974; Язык русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1981; Литературный язык XVIII века: Проблемы стилистики. – Л.: Наука, 1982; Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в.. – Л.: Наука, 1984). Объектом изучения в этих трудах в основном выступают тексты художественных произведений русской литературы. Поэтому, на наш взгляд, актуальным представляется более широкое вовлечение в орбиту функциональных исследований языковых процессов, отраженных в письменных памятниках других жанров, в том числе и *эпистолярном*, особенно если такой эпистолярный охватывает длительный период использования языка адресантом.

Чтобы представить место и значение эпистолярного жанра для исследуемого периода, нужно учитывать сложность самой языковой ситуации этого времени, к которому не приложима современная парадигма стилей и подстилей русского языка. Последняя, как известно, включает в свой состав научный, публицистический, официально-деловой, разговорный стили и стиль художественной литературы (см.: Кожина 1983; Шанский 1989, Степанов 1990 и др.). Все эти стили с их подстилями представляют результат длительного исторического развития и в прошлом существенно отличались от их состояния в наши дни, во многом отражая лишь первые ростки соответствующего современного стиля в структуре национального языка. В пределах таких стилей формировались и свои жанры, различавшиеся конкретными «принципами, способами отбора и комбинации наличных языковых средств и их трансформации» (Степанов 1990, 494).

Петровская эпоха в отношении своего стилистического состояния представлялась наиболее сложной в силу того, что в наследство ей от донационального состояния русского языка досталось так называемое двуязычие как результат былой дихотомии – книжно-славянского и народно-литературного типов русского литературного языка. В условиях петровских преобразований и их влияния на языковую ситуацию и языковое сознание представителей нарождавшейся нации данный этап истории русского литературного языка представляется как время «последнего этапа славяно-русского двуязычия» в России (см. о его разрушении: Кутина 1978), когда книжно-славянский тип литературного языка хотя и заметно оставил свои позиции, но все-таки сохранял их в таких сферах коммуникативной деятельности, как профессиональная (в творчестве видных церковных писателей и духовных лиц), жанр духовного красноречия (например, слова-проповеди), научная литература, реже – жанр технической книги, и, наконец, художественная лите-

ратура, отразившая расцвет школьного театра, когда школьные действия разыгрывались с использованием этой формы языка, более того, на нем писались вирши, стихи, драмы и т.п. Однако, как замечает известнейшая исследовательница языка первой половины XVIII века Л.Л.Кутина, этот язык уже не мог с необходимой полнотой справляться с возложенными на него функциями, особенно в научной и беллетристической сферах. В первой – он не имел достаточных номинативных средств для новых народившихся понятий, вообще новых знаний о действительности; во второй – традиционные книжные элементы постепенно подвергались либо стилистической нейтрализации со стороны живой разговорной речи, либо становились маркерами таких текстовых построений, которые несколько позже М.В.Ломоносов назвал «высоким слогом». В подобной ситуации складывался своеобразный «пограничный слой» (Л.Л.Кутина) или «гибридный язык» (В.М.Живов), представлявший значительную группу текстов, с трудом допускавших квалификацию в отношении типа языка. Л.Л.Кутина охарактеризовала такое состояние коммуникативных актов петровского времени как «окниженную» русскую речь или «опрошенную славянскую» речь, предельно сближенные между собой (Кутина 1978, 262). Такой тип русской письменной речи не успел получить широкого распространения в России, т.к. уже к 30-40-м годам XVIII в. сложился новый культурный язык на русской национальной основе. Именно он оказался способным к выполнению самых разнообразных функций, определив одно из главных качеств литературного языка – поливалентность. Но произошло это, естественно, не само собой, а в результате сложного взаимодействия всех здоровых сил русского языка, генетически связанных с обоими типами русского литературного языка предшествующих эпох (см. о новых стилистических тенденциях в русском литературном языке второй половины XVIII в. в: Семенов 2001, а также о завершении этих тенденций в творчестве гения А.С.Пушкина в работах: Колесов В.В. 1999, разд. «Слово и Дело Александра Сергеевича Пушкина». С. 60-78; Добровольский 2001, 161-178).

В этих непростых и неоднозначных условиях на передовые позиции, по единодушному утверждению большинства историков русского языка, выдвигается деловая литература, определившая развитие ряда жанров, в дальнейшем породивших либо усовершенствовавших функционально-стилистические разновидности русского литературного языка национального типа. Частично в ее составе оказался и эпистолярный жанр в отдельных своих типах (или разновидностях), в частности – деловом и официально-деловом.

В указанных условиях на формирование новых качеств русского литературного языка Петровской эпохи существенное влияние оказала и языковая (речевая) практика наиболее значительных исторических деятелей русской культуры того времени, к которым можно отнести Феофана Прокоповича, Федора Поликарпова, Петра Постникова, раннего В.К.Тредиаковского и др. Однако эту плеяду крупнейших личностей русской культуры исследуемого периода, безусловно, начинается Петр Великий, инициатор и вдохновитель всех реформ своего времени, оставивший огромное письменное наследие, позволяющее судить не только о социально-экономических и культурно-исторических условиях эпохи, но и о тех процессах, которые происходили в русском языке и на которые влияла эта действительность.

Безусловно, представляя в первую очередь деловую разновидность русского литературного языка своего времени, огромное письменное наследие Петра I запечатлело их автора не только как великого прагматика, практика, но и как ученого, человека, тяготевшего к различным наукам и искусствам, в том числе и к *искусству слова*, через которое он влиял на общие тенденции развития языка его времени.

Эпистолярный жанр конца XVII – первой трети XVIII в. неожиданно занял в этот отрезок истории промежуточное, но очень важное положение между деловой письменностью и художественной литературой, опередив свое время и выявив тенденцию к зарождению индивидуального писательского мастерства на фоне анонимной художественной литературы начала XVIII в. Эти свойства эпистолярного жанра исследуемого в нашей монографии периода делают также актуальными задачи изучения его потенциальных выразительных возможностей, выявление которых, думается, поможет уточнить или поколебать ряд сложившихся стереотипных представлений как об истории русского литературного языка, так и об истории русской литературы с опорой на необычный язык. языковую *индивидуальность* автора эпистолярия. Последнее связано с такой характерной чертой жанра, как способность его создателя варьировать средства выражения в соответствии с целями написания соответствующего письменного документа или письма, адресной его направленностью и информационным назначением. Незнученность данных вопросов в диахронии для нас очевидна и также делает необходимым обращение к ним.

История эпистолярия Петра Великого непосредственно связана с характером языковой личности в истории русского литературного языка, особенностями и социальными условиями ее формирования и влиянием на общие процессы развития и нормализации русского литера-

турного языка. Вот почему *объектом* изучения в монографии стало обширное эпистолярное наследие Петра Великого, представленное в академическом издании «Писем и бумаг императора Петра Великого» в 12-ти томах, а также смежные с ним документы и переписка его времени, принадлежавшая ему лично либо написанная под диктовку или по указанию императора.

Предметом исследования в данной работе явилась сама языковая личность Петра Великого как продукт речетворческой деятельности, оформленной по определенным законам данного жанра и данного времени.

Основная *цель* работы заключается в многостороннем – историко-лингвистическом, типологическом, функционально- и индивидуально-стилистическом – описании эпистолярного наследия Петра Великого и решение в связи с этим двуединой проблемы:

1. установить место, роль и значение эпистолярного жанра в истории русского литературного языка, характер его эволюции под влиянием экстра- и интралингвистических факторов своего времени;
2. поставить и в определенной степени решить проблему языковой личности в истории русского литературного языка на примере такой яркой исторической фигуры, как Петр Великий.

Решение первой задачи в более полном виде мы предложили в своей монографии «Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века: историко-лингвистический аспект» (Алматы, 1995).

Данная монография является попыткой решения второй из указанных крупных задач исследования, основной методологической базой для которого послужило лингво-философское учение о взаимосвязи языка и мышления, языка и сознания. Кроме того, в ней предложена апробация новых методов и направлений исследования применительно к диахроническому материалу, а языковая личность Петра Великого как факт диахронии впервые стала предметом специального описания.

ГЛАВА I

ТЕЗАУРУСНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Вводные замечания

Историческая наука о языке все больше и чаще обращается к проблеме *личности* в прошлом и настоящем для выявления как общих закономерностей развития русского литературного языка, отраженных в конкретной языковой личности, так и индивидуальных ее особенностей. Такая антропоцентричность характеризует в целом современное научное знание, в парадигму которого активно начинает включаться и история русского литературного языка как особое научное направление в исследовании языковых процессов на фоне смены основных культурно-исторических парадигм на диахронической оси истории русского литературного языка. «Одним из центральных ключевых понятий антропоцентрической лингвистики выступает понятие языковой личности, которая рассматривается как целостный феномен, выступающий в роли фиксированного антропоцентра речи» (Бобылев 1990, 9). Не случайно поэтому проблема языковой личности, проблема форм ее существования и способов изучения и познания в последние десятилетия XX – начала XXI века оказалась одной из наиболее теоретически разрабатываемых в русском языкознании (Будагов 1974; Красильникова 1989; Крысин 19891; 19892; Пушкин 1990; Богданов 1990; Кузнецова 200; Полякова 2001; Туранина 2001 и др.). Находит она и практическое воплощение при исследовании отдельных языковых личностей XIX–XX вв. в таких работах, как: Лукашевич 2000, Лысенкова 2000; Соболева 2000, Шилина 2000 и др. В качестве перспективной на XXI век эта проблема была названа в числе других актуальных проблем на Международной конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» (М., 1995) в целом ряде докладов (см.: Л.С.Андреева,

Н.Д.Арутюнова, И.К.Архипов, Г.И.Богин, И.А.Бутенко, С.И.Гиндин, В.В.Волков, Р.В.Зиборова, Е.В.Клобуков и многие другие).

Основной задачей и целью при исследовании языковой личности является обращение к творцу, носителю, пользователю - к человеку, к конкретной языковой личности, к ее «историко-, этно-, социо- и психолингвистическим особенностям» (Караулов 1987, 7-8). Такой повышенный интерес к языковой личности нельзя назвать абсолютно новым для русистики, так как внимание к языку отдельных писателей представляется в целом характерной ее чертой. В связи с этим достаточно назвать известные классические труды В.В.Виноградова о творчестве А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, А.А.Ахматовой, С.А.Есенина. Однако в отличие от них в данной проблеме обращает внимание новый взгляд на нее, новые ее аспекты, получившие уже определенную теоретическую разработку в трудах Ю.Н.Караулова (1987), Л.П.Крысина (1991, 1992), А.А.Пушкина (1990) и др., сделавших попытку установить основные параметры, характеристики и структуру языковой личности. В результате таких усилий к настоящему времени в науке получила наибольшее признание трехуровневая ее функциональная модель, включающая:

1. Вербально-семантический уровень (или, по Ю.Н.Караулову, нулевой), в котором исследователя интересует традиционное описание формальных средств выражения определенных значений, «носитель которых нормально владеет естественным языком» (Караулов 1989, 4).
2. Когнитивный уровень, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой *языковой индивидуальности* «в более или менее семантизированной «картине мира» (Там же, 5); этот уровень языковой личности охватывает интеллектуальную ее сферу и через язык, через процессы говорения или порождаемые языковой личностью *тексты*, представляющие его дискурс, дает исследователю возможность выхода «к знанию, сознанию, процессам познания человека» (Там же).
3. Прагматический уровень, в котором заключены цели, мотивы, интересы и установки языковой личности: этот ее уровень позволяет оценить речевую деятельность реципиента (в частности, речь создателя текста) и через нее осмыслить реальную действительность, отраженную в дискурсе языковой личности.

Применительно к истории русского литературного языка такой аспект изучения языка прошлого через призму языковой личности в науке пока не представлен. Если учесть специфику самого объекта изуче-

ния - языковая личность в прошлом, - то естественно утверждать, что ее можно восстановить и изучить только через такие семиотические построения, запечатлевшие языковую личность, как *письменные тексты*, в которых отразилась речевая деятельность человека в прошлом.

Указанный подход к исследованию языковой личности, безусловно, может дать оптимальные результаты если проводить такой анализ на основе достаточно протяженных текстов, но не только протяженных, но и собранных за достаточно *длительный* промежуток времени. Подобранный набор текстов, особенно принадлежащих конкретной исторической личности, можно назвать *дискурсом* (разумеется, при учете современной уже сложившейся в науке полисемии данного терминологического обозначения). С нашей точки зрения, наиболее достоверной и объективно представленной формой дискурса в настоящем и особенно в прошлом истории русского языка является частная переписка, максимально приближенная к устной речевой деятельности ее реального создателя и концентрирующая в себе основные черты языковой личности. Вызвано это тем, что письма - это прежде всего *человеческие* документы, раскрывающие личность самого адресанта, реального человека, а также его отношения с членами социума, к которому он принадлежит как создатель таких документов. Поэтому мы предлагаем различать *реальную* языковую личность и языковую личность художника слова - писателя, поэта, который реализует в своем творчестве *художественную* языковую личность.

В данном монографическом исследовании основное внимание уделено конкретной, реальной языковой личности Петра Великого, восстановленной нами на основе его обширного эпистолярия, помещенного прежде всего в многотомном собрании «Писем и бумаг императора Петра Великого» (в 13 томах), а также других источников, вышедших из-под пера этого гениального человека либо написанных его современниками или соратниками (см.: Источники).

Для истории русского литературного языка особую научную значимость имеет переписка выдающихся людей прошлого, оказавших значительное влияние на весь ход истории и развития русского языка. К таким личностям, безусловно, принадлежит Петр Великий, содержание эпистолярия которого запечатлело эпохальные, кардинальные события действительности его времени, которые повлияли как на социальные сферы деятельности носителей русского языка, так и на язык в целом. Кроме того, его переписка позволяет судить и о конкретной языковой личности реального носителя языка в переломную эпоху его жизни и деятельности, а также проследить рождение нового типа языковой

личности на фоне культурно-исторических преобразований в переломную эпоху русской истории.

Лингвистический анализ языковой личности Петра I, на наш взгляд, помогает лучше представить основные процессы формирования новых взглядов на русский язык и его назначение в условиях нарождавшейся русской нации, позволяет восстановить *мировоззрение* самого создателя текстов писем, в которых и отразилось это мировоззрение как «результат соединения когнитивного уровня с прагматическим, результат взаимодействия системы ценностей личности, или «картины мира», с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками» (Караулов 1989, 6). Иными словами, восстановление языковой личности в диахронии, отраженной в дискурсе, представленном письменными текстами, учитывает комплекс характеристик, включающий в себя и психические, и социальные, и этические, и эстетические компоненты, но «преломленные через ее язык, ее дискурс» (Там же, 7).

Первый уровень структуры языковой личности Петра I в целом ничем не выделяется на фоне языковых личностей представителей русского общества конца XVII - начала XVIII вв. и отражает нормальное владение лексическим и грамматическим строем русского языка этого времени. В частности, лексическая семантика представляется такой, какой она отражена в словарях - современных и исторических. Она, как правило, изотропна, одинакова по своим свойствам, поскольку во всех направлениях словаря, по всем его измерениям, в различных фразах и текстах писем Петра I и его корреспондентов, выражаясь словами Ю.Н.Караулова, «семантические свойства слов статистически однородны» (1987, 170). Этот уровень языковой личности Петра I в целом ничем не отличается от подобного же уровня языковых личностей его современников, кроме, может быть, количественных характеристик, отражающих богатство его словарного состава. И это естественно, поскольку любая языковая личность обладает и должна обладать базовыми лингвистическими знаниями и навыками, полученными от предшествующих поколений и позволяющих судить о национальном языковом типе (о национальном языковом типе см.: Караулов 1987; о связи национального языкового типа с проблемами этнолингвистики см.: он же, а также: Копыленко 1995 и др.).

Однако установлено, что каждая конкретная языковая личность начинается с когнитивного и затем прагматического уровней, поскольку именно там она неповторима в своем проявлении на субъективном, индивидуальном уровне коммуникации. И Петр I в качестве такой языковой личности уникален, о чем можно судить по характеру его дис-

курса. В этом дискурсе лексические единицы, как и другие единицы системы языка его времени, служившие средством субъективации, совершенно по-особому ведут себя в тексте, своей семантикой отражая авторские, индивидуальные знания о мире, отношение создателя эпистолярных текстов к описываемым событиям. Изотропные, одинаковые по своим функциональным свойствам на вербально-семантическом уровне дискурса Петра I, в его *личном, индивидуальном* дискурсе они образуют «квазисистематизированную вербальную сеть, в которой каждое слово (значение) связано со всеми другими (состояние предсистемности), но эти связи не обнаруживают никакой предпочтительности, никакой предрасположенности (аспект квази-) ..., они линейные и текстовые» (Караулов 1987, 171). Иными словами, в дискурсе конкретной языковой личности в действие вступают законы построения текста, законы сочетаемости слов и т.п., которые на синтагматическом уровне (тексты) позволяют говорить о семантике того или иного слова и тех представлениях и целях, которые преследовал таким использованием слов создатель текста (уровень знания, лингвокогнитивный уровень). В подобных случаях ассоциации общезыкового (парадигматического) характера, валентно представленные практически в каждом слове русского языка, могут оказаться нарушенными под творческим воздействием языковой личности, переключаются в область субъективного, асистемного (квазисистемного), а это, в свою очередь, порождает необычность, экспрессивность самого текста, отражающих индивидуальное видение мира, индивидуальную картину мира создателя дискурса.

Именно такова дискурсивная деятельность Петра Великого, вербально отразившая его знания о мире, его отношение к окружающей действительности, его собственные эмоции и оценки, детерминированные этой действительностью, через такие приемы и способы их актуализации, как метафоризация и метонимизация слов, игра словом в афоризмах и каламбурах, неожиданные сравнения, широкое привлечение в свою речевую деятельность фразеологизмов, пословиц и поговорок и творческую их обработку и т.п. Вербально-семантическая сетка при таком использовании языковых единиц в его дискурсе рисует личность яркую, необычную, деятельную, к тому же тонко чувствующую язык и особенно - *слово*.

Известно, что личность говорящего (пишущего) оказывает огромное влияние на форму речи, на выбор соответствующих языковых средств выражения. Среди разных способов вербализации наших знаний о действительности языковое оформление выступает как важней-

шее знаковое средство материализации духовных знаний. Это может происходить как в художественном тексте, так и в любом другом жанре («языке» канцелярии, деловых бумаг, законодательства и судопроизводства, дипломатической переписки, договоров и посланий, личных писем, почты и телеграфа, научно-технической литературы, театра, кино, радио, телевидения, художественной литературы, песни, фольклора и пр.» (Махмудов 1970, 3. Подчеркнуто нами. - Н.Г.). Эпистолярный жанр дает наибольшую свободу выбора таких приемов вербализации прежде всего на лексическом уровне. В этом случае слово выступает универсальным средством выражения собственного «я», что, безусловно, связано с семантической его природой.

Исследование частной переписки Петра I обнаруживает способность этого великого человека виртуозно владеть словом. Фрагментарно, намеками либо скромными попутными замечаниями относительно такой его способности говорили как филологи - языковеды, литературоведы, литераторы (ср.: Серман 1974; Фейнберг 1986; Корнилович 1957 и др.), так и историки (Ключевский 1913; Пекарский 1872; Павленко 1976; 1989; Буганов 1989 и др.). Политика Петра I в области искусства, различных художеств и их места в государственной деятельности русского императора подробно исследована в статье И.З.Серман «Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I», где, однако, в подстрочнике автор замечает, что «его (Петра) частные интересы и пристрастия *могли бы быть темой особой работы*» (Серман 1974, 9. Курсив наш. - Н.Г.). В письмах Петра I эти «частные интересы и пристрастия», нередко, тем не менее, выходящие далеко за пределы частного, представлены в полной мере. Они характеризуют тезаурус его языковой личности как богатый смысловыми, эмоциональными и экспрессивными оттенками и формами вербального выражения, приближающими стилистику его писем к стилистике художественной речи.

С целью воздействия на адресата Петр I применяет известные в стилистике многообразные приемы речевого построения текста, которые выступают характерными стилиобразующими признаками *его* языковой личности, неповторимой и предельно индивидуализированной. К ним мы относим такие наиболее типичные, как:

- активное использование вторичных номинаций, ведущим способом создания которых является метафоризация - общезыковая и индивидуально-авторская (окказиональная);
- каламбур, построенный на смысловой игре слов и других возможностях слова;

- использование вербально-семантических особенностей русского лексикона своего времени с целью создания шутки, иронии, юмора;
- регулярное, но, тем не менее, избирательное использование в процессе текстообразования устойчивых сочетаний слов, пословиц и поговорок, из многообразия которых Петр выбирал, как бы «присваивал» себе те, что соответствовали устойчивым связям в *его* тезаурусе, выражали те «вечные» и незыблемые *для него* истины, которые определяли *его* жизненную доминанту.

Все вместе эти лингвистические формы проявления языковой личности Петра I создают его индивидуальную, неповторимую манеру письма, или стиль, позволяющий говорить о том, что он имел собственный творческий контекст, т.е. «систему речевых фактов», «поэтико-речевую концепцию, которая принадлежала только ему». Это, по словам Х.Х.Махмудова, не язык создателя соответствующего текста (художественного или нехудожественного), не речь, не просто стиль - «это его *контекст*» (Махмудов 1970, 19). Наличие такого контекста, то есть творческого контекста, несомненно и определяет у Петра I лингво-когнитивный, тезаурусный уровень его языковой личности, поскольку объясняет индивидуальный выбор, личное предпочтение им одного понятия другому, одного средства выражения другому, отражающего его знания о мире, его представления об окружающем. Этот уровень языковой личности позволяет объяснить возможности в артерии того, что есть в языке соответствующего (синхронного) периода истории русского литературного языка, когда создавался тот или иной текст.

§ 1. Вторичная номинация как форма реализации индивидуального «я» в языковой личности Петра Великого

В частном письме языковая личность пишущего проявляется с наибольшей степенью полноты. И не потому, что другие жанры не оставляют места для этого, а потому, что этот жанр в силу своей специфики существенно привязан к человеку и может показать его как бы изнутри. Этот жанр есть сам человек, повернутый в языковую ткань созда-

ваемых им текстов. Не случайно С.И.Гиндин образно сравнил письмо с «полигоном для исследования языковой личности» (Гиндин 1989, 84).

Эпистолярный Петра Великого отличается не только тематическим и вербально-семантическим богатством на нулевом, базовом уровне его языковой личности. Он обладает высокой степенью экспрессивности, создаваемой разными лингвистическими средствами и приемами, среди которых на первое место можно поставить активное использование Петром I вторичных значений слов, возникающих на основе разных типов переносов наименования. В его речетворческой деятельности слово максимально реализует свое сложное семантическое строение для передачи индивидуальных знаний о мире. Это становится важным особенно тогда, когда создатель текста имеет возможность выбирать из ряда наименований или значений, существующих в узусе своего времени, оптимально необходимые для конкретного текстового образования. И не случайно Ю.Н.Караулов подчеркивает, что индивидуальная языковая личность начинается там, где появляется возможность *выбора*, ибо именно выбор коммуникативной единицы, как правило, у каждой языковой личности свой. Он диктуется субъективным восприятием окружающего мира и субъективными знаниями о нем (когнитивно-тезаурусный уровень языковой личности) и в языке находит закрепление в виде такого же индивидуального, субъективного использования языковых единиц, передающих эти знания о мире. Для истории русского литературного языка подобный подход к выбору единиц языковой системы важен потому, что он позволяет судить о состоянии этой системы в целом и о влиянии отдельной языковой личности на состояние данной системы.

Вторичная номинация в виде переносов наименования представляет вообще благодарный материал для проявления индивидуального «я», особенно когда знания о мире создателя текста выходят за пределы знаний, выражаемых обыденным языком, то есть узуальными единицами общеязыкового тезауруса. Тогда, используя известные механизмы порождения новых значений, передающих знания в тезаурусе конкретной личности, создатель текста прибегает к порождению окказиональных смысловых приращений к известным языковым единицам, которые, с одной стороны, расширяют экспрессивные возможности текста, с другой - вводят в более широкое и необычное по своим смысловым параметрам семантическое поле, демонстрируя оригинальные когнитивные возможности создателя дискурса. Именно такой механизм порождения текста и его образности широко использовал Петр I в своих письмах. На фоне смены культурно-исторических парадигм кон-

ца XVII-начала XVIII вв. и происходивших активных процессов демократизации и расширения функций языка этого времени под влиянием человеческого фактора эпистолярный Петра Великого реально демонстрирует огромные потенциальные возможности, которыми обладал русский язык нарождавшейся нации и которые пока еще слабо использовались массовым его носителем. Речевая практика Петра I способствовала раскрепощению в использовании языковых богатств русского языка своего времени и демонстрировала (пусть даже узкому кругу представителей его социума - его многочисленным адресатам), как можно пользоваться словом.

Одним из таких приемов в речетворческой деятельности Петра выступает **метафора**, являющаяся характерной чертой и особенностью его языковой личности.

Известно, что концептуализация языковой личности складывается на основе когнитивных способностей носителя языка, в сознании которого возникает сеть ассоциаций, как правило, не совпадающих с ассоциативной сетью других носителей языка и потому предельно индивидуализированных. Именно на основе такой сети ассоциаций в языковой личности возникает так называемая индивидуальная языковая картина мира (ИЯКМ). Вербализацию последней необходимо рассматривать с учетом минимум двух исходных моментов: а) возможностей языка своего времени (для истории русского литературного языка – это соответствующий синхронный срез на диахронической оси этой истории); б) возможностей самого носителя языка с его лексическим запасом, а также знанием и навыками использования грамматических средств языка. В совокупности эти два компонента позволяют судить как о личностных, субъективных способностях языковой личности, так и о той роли, которую конкретная языковая личность может играть в истории своего языка и даже оказывать значительное влияние на общий ход его развития в целом. Для истории русского литературного языка такой личностью был Петр I, что подтверждают наши многолетние наблюдения.

Для довольно суровой и даже аскетической Петровской эпохи языковая личность ее лидера представляется вершиной необычного для языка этого времени речетворчества, виртуозного владения словом как реакцией на такие же необычные изменения в жизни российского общества, о чем свидетельствует дискурс Петра Великого, существенно запечатленный в его обширном эпистолярном корпусе. Язык этого эпистолярного корпуса показывает, что в недрах этой эпохи под сильным воздействием ее вдохновителя и движителя зарождались новые черты и свойства *лите-*

ратурного языка национального типа, к которым мы можем отнести и более раскованное (в сравнении с предшествующими эпохами), свободное, даже виртуозное владение словом, демонстрируемое Петром I на уровне вторичной номинации, в частности в виде метафор, являющихся характерной чертой его языковой личности. Такое индивидуальное, творческое начало связано прежде всего с лингво-когнитивным (тезаурусным) уровнем его языковой личности, ибо именно здесь личностные интенции, концептуально-индивидуализированное начало в восприятии действительности и способность к *выбору* вариантов среди существующих средств языка своего времени и, как результат, создание индивидуально-авторских производно-номинативных единиц проявилось особенно ярко и определенно. В частности, можно отметить его необычное переосмысление лексических средств начала XVIII в., связанных прежде всего с двумя основными концептами, «квантами» знания, подведенными под ту или иную рубрику (Е.С.Кубрякова), - **война** и **быт** (мир, жизнь в мирное время). Нигде не названные, не выраженные прямо указанными лексемами, эти концепты незримо присутствуют в вербальной сети дискурса Петра Великого, объединяясь в тематические и лексико-семантические группы, лексические элементы которых способствуют дальнейшему уточнению и модификации смыслов в пределах указанных семантических пространств, представленных концептами 'быт' и 'война'. В частной переписке и, во многих случаях, в бумагах иного рода, непосредственно вышедших из-под пера Петра I, отразились индивидуальные приоритеты, объясняемые социально-историческими и культурными условиями, в которых протекала жизнь русского императора.

Метафорическая манера Петра I, передающая его образную картину мира, довольно четко распределяется между двумя типами писем - дружескими и бытовыми. И в тех и в других генерализованной темой, чаще всего подвергавшейся метафорическому переосмыслению, была тема **в о й н ы**. Безусловно, для языковой личности Петра такая закономерность в его речевой практике мотивирована объективной реальностью, ибо известно, что «из 35 лет царствования Петра состояние полного мира сохранялось всего около года» (Молчанов 1990, 5). Автор обширного эпистолярия в многообразии тем, затрагиваемых на его страницах, постоянно возвращался к военным проблемам и обсуждению мельчайших деталей и событий войны. Военный до мозга костей, русский царь воспринимал войну как **т р у д**, огромный и ответственный, сложный и неблагодарный, но труд. Этим концептуальным восприятием в его языковой личности вызваны определения войны и во-

енных дел через бытовые понятия, связанные с выражением и актуализацией оттенков значений, отражающих потенциальную сему «трудный, тяжелый» в таких конкретных наименованиях бытового характера, как *плуг*, *ярмо*. Сами же военные действия чаще всего Петр обозначает лексическими единицами из состава ЛСГ «трудиться», добиваясь тем самым семантического согласования структурных элементов в лингвистике текста своих писем. Ср.:

А о здешнем возвещаю, что милостию Божиею все в добром здорвьи и в *Марсове ярме* непрестанно *труждаемся* (А.А.Виниусу. I, 48. 1695); А здесь, слава Богу, все здорово, и в городе *Марсовым плугом все испахано и засеено*, и не токмо в городе, но и во рву (А.А.Виниусу. I, 51. 1695).

Как видно, в структуре текста метафорически употребленное слово в речи Петра вызывает такое же переносное употребление других слов из той же ЛСГ: поскольку война в картине мира создателя дискурса - это *плуг*, то ассоциации связывают его с полем, а поле, как известно, вспахивается этим плугом и затем засеивается зерном. И вот уже война концептуально предстает на страницах писем как такое действие, такая «работа», которая разворачивается в картину поля, но поле при этом перепахано не плугом (в номинативном своем значении), а снарядами и минами, засеяно же оно погибшими в бою, а сама такая «работа» - это и есть, в представлении Петра, война. Иными словами, развернутая метафора *война - работа, труд; война - поле, вспаханное плугом и засеенное трупами, трудиться (труждаться) - ярмо* и есть та картина мира, которая характеризует восприятие Петром I окружающего и происходящего вокруг него, что выливается в *языковую картину мира* создателя текста писем, которые донесли до нас, диахронных адресатов, феномен языковой личности русского императора. Такая реальная картина актуализирована позицией индивидуально-образного восприятия действительности автором писем, позицией *его знания* действительности, которое (знание) он и передает по-своему, но с совершенно определенным экспрессивным эффектом, вызванным необычностью применения номинативных единиц языка начала XVIII века, для основного его носителя, как правило, воспринимаемых в своей первичной семантике.

Именно так, в основном образно, воспринимались Петром I военные действия. Поэтому когда он пишет или говорит об интересах государства, ради которых вынужден мчаться из конца в конец своей огромной страны, то у него в речи естественно возникает такая метафо-

ра, как, например, *гоняться* (за врагом, как собака гоняется за дичью). Ср.:

Гоняйтесь за дикими зверями сколько вам угодно; эта забава не для меня, я должен вне государства *гоняться* за отважным неприятелем, а в государстве моем *укрощать* диких и упорных подданных (Изреч., 12).

Талантливый полководец и отважный солдат, Петр I в письмах нередко прибегает к метафорам при описании сражений, активным участником которых он неизменно был. Его эмоциональное восприятие боя, можно сказать, упоение боем предельно экспрессивно выражается через яркий образ «огненного пира», за которым возникает гамма чувств, испытываемых создателем письма. Именно через эту картину действительных событий воспринимает он войну, а репрезентантом ее в лингвистике текста его писем выступает сочетание «*огненный пир*». Ср.:

Сей *огненный пир* пребывалъ отъ вечера даже до другого дни 9 часов (Юрналъ осады города Юрьева (Дерпта) с поправками Петра Великого. III, 168. 1704).

Языковая личность Петра Великого предстает со страниц его писем как ярчайшее явление своего времени. В ней отмечается гамма, широчайший спектр особенностей человека начала XVIII века, виртуозно владевшего словом, с помощью которого он мог передать мельчайшие дополнительные фоновые знания о себе самом: азарт бойца, радость от сознания удачно завершеного сражения, гордость за свою еще молодую армию, которая в трудных сражениях укрепляла славу и авторитет своего государства в мире. И в этом Петру I помогало его тонкое чувство слова, которое он также использовал как своеобразное оружие, поставленное на службу Отечеству, помогавшее в решении задач укрепления государства. Не случайно описание военных действий в его письмах и бумагах представляется не сухим, номинативно выраженным, а ярким, четко видимым, образным. Образы эти он черпал в обыденной, живой разговорной речи, представляя, например, место сосредоточения врага *осиным гнездом*, которое *кусается*. Ср.:

...они, дарог нашихъ не видали, по каторым мы ходим, но и пеши нокланясь ходим, потому что подошли к *гнезду* блиско *шершние* роздразнили, каторые за дасаду свою крепко *кусаютца* (А.Ю.Кревету. I, 49. 1686).

Как видим, здесь молодой Петр очень тонко передает потенциально представленную в слове *шершние* сему «злой». Чтобы убедиться в этом, обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка»